

М. Я. СЮЗУМОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ВИЗАНТИИ И ЕЕ МЕСТО ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

(В порядке дискуссии)

Долгое время ученые в своих концепциях истории Византии представляли ее как совершенно чуждое Западу общество, как особый мир застоя, перманентных дворцовых смут и деспотизма. Историю Византии изучали сквозь призму взглядов, Монтескье и Вольтера. От Гиббона вплоть до середины XIX столетия (до Чаадаева, Герцена и молодого Маркса) о Византии говорили, как о примере «худшего государства», как об оплоте реакции и застоя. Славянофилы в России фактически утверждали подобные взгляды на Византию, восторгаясь ролью империи как преградой на пути новых идей.

В то время как с легкой руки Монтескье Византию объявили отсталым государством по сравнению со средневековыми странами Западной Европы, сами современники империи — представители западноевропейского общества, как правило, отнюдь не склонны были оценивать уровень развития Византии ниже, чем степень развития стран Запада. Напротив, было широко распространено мнение о «мудрости» и образованности греков. О богатствах империи ходили легенды. Впоследствии, когда Византия была разорена итальянцами и турками, образованные круги Западной Европы стали проявлять пристальное внимание к наследию византийской культуры.

Тем более настоятелен ответ на вопрос, почему у прогрессивных деятелей науки и культуры XVIII—XIX вв. сложилось столь невыгодное для Византии представление о ее истории. Этому, на наш взгляд, способствовали два обстоятельства. Во-первых, передовые мыслители того времени были настроены резко враждебно против абсолютизма, а Византия считалась образцом абсолютистского государства. Во-вторых, тогда как по внутренней истории стран Западной Европы уже в XVIII в. имелись солидные труды, созданию которых способствовал спор между германистами и романистами, внутреннее историческое развитие Византийской империи практически не изучалось до середины XIX в.

Византийское общество, как и общество западноевропейских стран, жило полнокровной жизнью. Общественный строй империи также проходил разные стадии закономерного развития. Разумеется, за тысячелетнее существование Византии ее историческая роль и ее место среди других государств не оставались неизменными. Но нельзя представить себе всемирную историю без того вклада, который был внесен Византией, оставившей заметный след в прогрессивной истории человечества.

Наиболее важную историческую роль Византия сыграла, по нашему мнению, на раннем этапе своей истории. Период с IV до середины VII в.

представлял собой эпоху революционного краха рабовладельческого строя, гибель которого совершилась по-разному на западе и востоке Римской империи. Всякий общественный строй после ухода с исторической сцены оставляет после себя как пережитки старого уклада, которые надолго задерживают поступательный, закономерный ход развития общественного бытия, так и элементы нового, которые являются плодом длительной эволюции и способствуют дальнейшему прогрессу человечества.

! На западе империи крах рабовладельческого общества сопровождался внедрением и преобладанием на длительный срок пережитков последнего этапа родоплеменного строя, которые, с одной стороны, ускорили падение отжившей общественной системы, а с другой — способствовали уничтожению большей части важнейших достижений античного мира и тем самым привели Западную Европу на пороге средневековья к общественной деградации и культурному регрессу.

На востоке империи (в Византии), напротив, крах рабовладельческого строя, хотя и совершался в условиях сохранения пережитков рабовладения, не сопровождался уничтожением большей части ценнейших достижений античного общества.

Отмеченное различие определяет двойственную роль Византии. Пережитки старого в ее общественном организме препятствовали прогрессу, а сохранение и распространение элементов античной цивилизации — способствовали ему. Последнее обстоятельство имело кардинальное значение для исторических судеб Европы при общей культурной деградации на Западе в раннее средневековье.

Германские и славянские племена, усваивая некоторые достижения сельского хозяйства и военного дела позднеантичного мира, уже не переоценивали реальные силы империи, но еще долго признавали ее политическое и культурное превосходство. Формирующаяся знать варварских государств, упрочивая свое господство, усматривала в этом деле в Византии образец, достойный для подражания. Мало того, вплоть до создания империи Карла Великого политические деятели германских стран Запада не отвергали своей причастности к «всемирной» империи (Византии), пытались иногда прикрыть свое господство над романизированным населением ее авторитетом, имитируя ее монеты, ведя счет лет в хрониках по правлениям византийских императоров, вводя при дворе высшие почетные титулы империи¹.

Образец прочного и сильного государства усматривала в Византии и правящая знать славянских стран, которая, хотя и не поступалась своим суверенитетом, переняла немало элементов византийского государственного аппарата и ее общественных институтов.

Таким образом, объективно Византия выступила в ранний период своей истории как государство — образец классового господства, что было особенно важно в условиях, когда господствующий класс варварских государств находился на стадии формирования. Лишь ко времени торжества на Западе классической феодальной раздробленности и установления новых форм классового господства, византийская автократия утратила свое обаяние. Впрочем, ее престиж снова возрос, когда страны Европы вступили в стадию перехода от феодальной раздробленности к национальному централизованному государству. Идея «вечного» Рима, автократия Юстиниана I вновь привлекла внимание западноевропейских

¹ Престиж власти византийского императора ощущался на Западе даже после создания там своей империи. Василевсу Византии подражали государи всех стран Европы. Так, Карл Лысый вызывал неудовольствие подданных пристрастием к византийскому этикету: после своей коронации он выступал в одеянии и с инсигниями византийского императора (J. E b e r s o l t. *Orient et Occident; recherches sur les byzantines et orientales en France avant les Croisades*. Paris, 1928, p. 60; F. D ö l g e r. *Byzanz und Abendland vor den Kreuzzügen*, in: «Paraspora», Ettal, 1961, S. 80f.).

политиков. Потребности эксплуататоров в идейном санкционировании сильной государственной власти в условиях перехода к феодальному строю обусловили не только торжество христианства — они привели также к созданию особой идеологической доктрины — фикции существования «всемирной» Римской империи².

Идея сильного централизованного государства была, на наш взгляд, по преимуществу прогрессивной в средние века, несмотря на те тяготы, которыми существование такого государства сопровождалось для трудящихся масс³. В раннее средневековье Византию считали таким государством, и политика следования ее примеру способствовала сплочению слабо связанных между собой племенных организаций и преодолению пережитков родоплеменного быта⁴. В эпоху феодальной раздробленности представление о едином государстве с централизованным аппаратом власти помогало переходу к национальному государству, а в период абсолютизма строй юстиниановской империи служил источником, образцом для формирования институтов новой государственной системы. Разумеется, после того как абсолютизм миновал стадию прогрессивного развития (к началу XVIII в.), идеализация Византийского государства стала служить реакционным целям.

В продолжение всего своего существования Византия, как ни одно современное ей государство, была страной, в которой принцип полной частной собственности нашел классическое оформление в действующем праве. С древнейших времен вплоть до стадии нисходящего развития капиталистического строя полная частная собственность и связанные с нею товарное обращение и предпринимательская деятельность были одной из движущих сил прогресса в классовом обществе. Принцип полной частной собственности в докапиталистических формациях представлял собою в зародыше основу более прогрессивной формации — капитализма, который завершается цикл типов антагонистических обществ.

Полная частная собственность не была всеобщим институтом рабовладельческого общества и классического римского права. Наряду с собственностью «по праву квиристов», которая являлась как бы привилегией, существовала собственность перегринов, бонитарная собственность. Античная собственность к тому же была связана со структурой полиса, с литургиями. В ходе расширения внутреннего товарного обращения и процесса разложения рабовладельческого способа производства система полисов стала отмирать, а вместе с тем стали стираться и различия между видами античной собственности.

² Эти реминисценции послужили основой националистических теорий трансляции (перенесения) «руководящей» роли отдельных народов в истории. В Византии полагали, что после победы христианства «избранной богом» народностью являются уже не римляне, а греки, так как язык Евангелия и вселенских соборов — греческий. Константинополь называли Новым Римом. При Карле Великом теория трансляции была развита на Западе: утверждалось, что право гегемонии после отхода греков от римской церкви перешло к франкам. При Фридрихе Барбароссе в Германии проводили идею, что права римлян на мировое господство принадлежат отныне немцам. (O t t o F r i s i n g e n s i s, MGH, SS, XX, 338—496).

³ В. И. Ленин подчеркивал, что признавать историческую прогрессивность отнюдь не означает быть ее апологетом, так как и исторически неизбежные процессы несут с собой немало тягот для трудящихся. Апологет лишь тот, кто стремится замалчивать мрачные стороны такого рода процессов и явлений (см. В. И. Л е н и н. Собр. соч., т. 3, стр. 523).

⁴ Наиболее яркими из таких пережитков последней стадии родоплеменного общества являлись указанные Ф. Энгельсом особенности строя военной демократии, которые в условиях феодализации стали на длительное время тормозом для дальнейшего культурного развития. «Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война...становится постоянным промыслом» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 2, стр. 164). Образ Raubritter'a — последнее воплощение этого пережитка военной демократии — является ярким антиподом идеалу представителя господствующего класса централизованной империи эпохи Юстиниана I.

Именно в этот период — во время упадка античной⁵ и до оформления феодальной собственности — римские юристы разработали гражданское право в духе полной частной собственности. Это право «было в сущности антифеодальным и в известном отношении буржуазным. Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений»⁶.

Окончательно принцип полной частной собственности в римском праве был оформлен только в 530 г. в законодательстве Юстиниана, где провозглашалось: «Не должно быть никакого различия между собственниками... Пусть каждый будет полнейшим и законным собственником либо на раба, либо на другие объекты, ему принадлежащие»⁷. Юстинианово право, таким образом, «полностью предвосхитило современную частную собственность»⁸.

Частная собственность в ее полном виде стимулировала предпринимательскую деятельность. Именно к V—VI вв. относятся археологические данные о размахе урбанизации в Византии, когда деревни разрастались в города. Надписи Корики и папирусы содержат большое количество наименований различных ремесел⁹.

Разумеется, уровень производительных сил того времени не мог привести к созданию крупного производства, но он обусловил распространение собственности мелкого производителя на средства производства, развитие свободного ремесла и розничной торговли. Гражданское право, основанное на полной частной собственности, играло в этих условиях прогрессивную роль, поскольку только в рамках полной частной собственности могло развиваться товарное хозяйство, без которого в конечном итоге невозможно развитие самого феодального строя. Однако в дальнейшем это развитие предпринимательства было пресечено. Этому способствовали, с одной стороны, варварские нашествия и ослабление мощи государства, которое уже не могло полностью обеспечить охрану частной собственности, а с другой стороны — создание в корпорациях средневековых привилегий и система государственного регулирования предпринимательства и прибылей, которые стеснили размах производства, сведя свободное ремесло Византии к типично средневековому — корпоративному. Эта политика регулирования ремесла и торговли стала проводиться уже при Юстиниане.

Многовековое традиционное существование полной частной собственности наряду с развитием и упрочением собственности феодальной придает особую специфику истории Византии, где длительное время шла борьба за власть между различными прослойками господствующего класса, опиравшимися на разные способы эксплуатации. Несмотря на господство в поздней Византии феодальных институтов, в актах купли-продажи и передачи владений упорно подчеркивалось, что объекты сделки переходят в «самую полную собственность» (*κατὰ τελείαν δεσποτείαν*)¹⁰.

⁵ Необходимо отметить, что в античном обществе, согласно К. Марксу, «только в период разложения» наступило «полное развитие денег, которое составляет предпосылку современного буржуазного общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 729).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 412.

⁷ Cod. Just., VII, 25.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 412.

⁹ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internationalen Kongress», Bd. 3. München, 1958, S. 12.

¹⁰ Actes de Xénophon. — ВВ, X, 1903. Приложение, № V, 1319; Actes de Chilandier. — ВВ, XVII 1911. Приложение, № VIII, 27; № XXIII, 20—34. Как в XI, так и в XIV в. секуляризация монастырского имущества рассматривалась как грубое нарушение начал частной собственности.

Византия выделялась среди прочих стран того времени своим единым для всего государства правом, которое решительно преобладало над местными обычаями¹¹. Византийский суд со всеми его недостатками (продажностью судей, формализмом, медленностью и классовой направленностью судопроизводства) стоял тем не менее на недостижимой высоте по сравнению с судом варварских правд с их ордалиями, поединком, котелком с кипятком и раскаленным железом как средствами определения невинности и виновности. Как бы ни были жестоки приговоры византийского суда, они не могут идти в сравнение с патриархальной жестокостью варварских правд¹².

Находясь в крайне тяжелых внешнеполитических условиях, особенно в последние века своего существования, Византия не смогла использовать преимуществ гражданского права, и оно было развито в странах Западной Европы, содействуя прогрессу раннекапиталистических отношений. Феодальный строй на Западе шел по пути поступательного развития, соединив прогрессивные элементы новой формации (рост техники производства в условиях принадлежности средств производства мелкому непосредственному производителю) с достижениями античного мира (товарное производство, право, основанное на принципе частной собственности). Роль Византии в прогрессивном развитии Запада как хранительницы правового наследия античности несомненна.

Нельзя не отметить, однако, что наряду с прогрессивными положениями в византийском праве имелись и пережитки рабовладельческого общества. Распространение принципа частной собственности на человека оказало безусловно отрицательное влияние на положение трудовых масс. Феодальные собственники, опираясь на официальное законодательство, пытались рассматривать институты зависимости в свете полной собственности на человека, стремясь приблизить положение зависимых к статусу рабов. Подобные тенденции имели место и среди юристов Запада (Брактоны), и в некоторых славянских странах («кмет и вся его маетность — наша»). В период первоначального капиталистического накопления и колонизации «Обеих Индий» юридический статус раба был распространен на захваченные территории, вновь расцвела торговля людьми.

Однако существование рабства в Византии вряд ли оказало какое-либо значительное влияние на распространение этого института на Западе. В варварских правдах рабству уделяется относительно даже больше внимания, чем в римском праве. В Византии регламентируемый государством юридический статус раба был, несомненно, более мягким, чем патриархальное рабство в племенных организациях варваров, где положение раба определялось лишь капризами его господина.

В Византии раб мог быть хозяином мастерской, мог самостоятельно вести коммерческие дела в случае получения права свободного управления пекулием; господин отвечал за убийство своего раба. Ничего подобного не знало варварское общество¹³.

¹¹ Византийское право отнюдь не было оторванной от жизни ученостью, существенной лишь для преподавателей и студентов. В Византии существовала сложная система судопроизводства с признанным правом апелляции от низших инстанций к высшим, имелись руководства для судей в виде разного рода синописов. «Василики» были действующим правом, о чем свидетельствуют акты XIII—XIV вв. При актах передачи земельного участка специально оговаривалось, что в дальнейшем не будет сделано никаких попыток законным образом аннулировать сделку. Причем детально перечислялись все статьи действующего права, согласно которым такое дело об аннулировании сделки могло быть возбуждено.

¹² Например, Салическая Правда легализовала родовую месть: мстители отрубали врагам руки и ноги и бросали их умирать на перекрестках дорог, а закон даже преследовал тех, которые из сострадания убивали несчастных, чтобы пресечь их мучения (Салич. Правда, 41, § 8).

¹³ Неограниченное право господина над рабом в древнейшем римском праве было генетически, как мы думаем, пережитком отношений, характерных для последнего

Таким образом, если пережитки рабовладельческих отношений, характерные для Византии, оказывали тормозящее влияние на дальнейшее развитие, то еще в большей степени препятствовали прогрессу пережитки родоплеменных отношений в западноевропейских странах (обычное право, ордалии, фэйда, примитивные формы собственности). Попытки внедрения таких отживших институтов в Византии не имели успеха¹⁴. Западные университеты, в которых изучалось право Юстиниана, безусловно, немало способствовали ликвидации пережитков родоплеменного быта.

Гражданское право в Византии могло быть действенным только при наличии сильной государственной власти с централизованным и разветвленным аппаратом управления. Византия — классическая страна бюрократии. Господство бюрократии со всеми ее недостатками, продажность, волокитство, формализм, враждебностью к народу тем не менее более прогрессивно, чем всевластие феодала и местного обычая. Византийские источники сообщают массу фактов о беззакониях чиновничества, но эти факты отмечались именно потому, что всем были известны права и обязанности служебного лица, все знали, что можно было жаловаться вышестоящей инстанции. В условиях же патриархального произвола можно было просить о заступничестве только «господа бога».

В условиях отсутствия дифференцированного административного аппарата было невозможно хотя бы частичное сохранение в раннефеодальных странах Запада культурного уровня позднеантичного общества. Колоссальные, не поддающиеся регулированию судебные штрафы разоряли здесь свободное крестьянство быстрее и основательнее, чем насилие и произвол чиновничества. Полное подчинение феодалам крестьян на Западе произошло быстрее, чем в Византии с ее бюрократией и ответственностью чиновников перед законом.

Однако отмеченное обстоятельство было и преимуществом и недостатком Византии. Никогда фискальная система империи не могла так полно извлекать прибавочный (а иногда и необходимый) продукт труда крестьянина, как сеньориально-вотчинная эксплуатация¹⁵. В первую очередь, это отразилось на развитии военного дела, которое на Западе в основном покоилось на повинностях подвластного феодалам населения. Феодално раздробленные страны Запада с их сравнительно обеспечен-

этапа родоплеменного строя. Классическое римское и византийское законодательство знает только регулируемое государством право собственности на человека. По словам Приска, «римляне поступают с рабами гораздо снисходительнее, чем варвары... Им (римлянам) не позволено предавать их (рабов) смерти, как это водится у скифов. Рабы имеют много способов получить свободу...» (УЗ Второго отделения имп. АН, VI, 1, 1861).

¹⁴ Когда в XIII в. от Михаила Палеолога, обвиненного в заговоре, потребовали оправдаться по западному обычаю, взяв раскаленное железо, он ответил: «Так как я римлянин и происхожу от римлян, то пусть меня и судят по римским законам и письменным установлениям» (*Georgii Acoropolitae opera*, rec. A. Heisenberg, I. Lipsiae, 1903, p. 98. 4—14).

¹⁵ Впрочем, вопрос об относительной тяжести эксплуатации в Византии по сравнению с другими странами (в особенности — странами Западной Европы) еще нуждается в тщательном и детальном изучении. С одной стороны, даже при самых легких формах частновладельческой эксплуатации в такой стране, как Византия, почти непрерывно находящейся под Дамокловым мечом иноземного вторжения, имел место усиленный гнет в форме государственных налогов и повинностей. С другой стороны, закон централизованного государства в гораздо большей мере мог защитить население от внеправового гнета, чем обычное право. Безусловно, и государственные законы, и нормы обычного права утверждаются в интересах эксплуататоров, однако значение официального и обычного права могло быть различным на разных этапах и в разных исторических условиях. В научной литературе имеется тенденция, восходящая еще к трудам Фюстель де Кулянжа и Виноградова, идеализировать местное обычное право. Конечно, источники свидетельствуют о тяжелом положении крестьянства в Византии. Но не меньше подобных известий и для стран Западной Европы: в самом обычном праве наряду с нормами, регламентирующими крестьянские повинности, встречаются положения, узаконивающие произвол феодала («*laborare omne die quidquid mandatur, ad mandatum domini*») и виселицы в каждом замке.

ным рыцарством опередили в военном отношении Византию — страну дорогостоящей централизованной бюрократии и регулярного войска. Начиная с X в. ощущается постепенное отставание Византии в военном деле. Существование феодального и римского права в империи делало затруднительным аккумуляцию прибавочного труда в военных целях. Византийские проныры не могли в военном отношении сравниться с западными феодалами.

Византийские правовые воззрения оказали также большое влияние на развитие концепций верховной политической власти. Если на Западе власть короля представляла собой развитие власти вождя племени периода военной демократии, что ощущалось в Германии длительное время, то в Византии с ее начала и до конца действовал принцип, согласно которому император — высший магистрат: «что принцепсу угодно, получает силу закона, так как законом о его власти народ предоставил ему всю свою власть и могущество»¹⁶.

Теория делегирования народом неограниченной верховной власти была принята всеми монархами Западной Европы, начиная с Фридриха Барбароссы, а затем разработана западными легистами как теоретическая основа абсолютизма. Однако эта теория имела и иной аспект: фикцию зависимости верховной власти от народа трудящиеся массы иногда использовали как повод к избранию нового императора. Эта же теория в период борьбы папской и императорской власти служила папам предлогом к свержению императоров, а впоследствии, начиная с Марселия Падуанского, она легла в основу идеи народного суверенитета.

В политических концепциях Византии все большее значение приобретала теория божественного происхождения верховной власти. Эта теория проникла в позднеримское и византийское право с Востока¹⁷ и превратилась в религиозную санкцию автократии. Императорская власть обрела мистический божественный ореол и возвысилась над народом. Было создано представление о ее надклассовом характере.

Эта теория нашла восторженных приверженцев на Западе, где монархи и крупные сеньоры старались оправдать свою власть божественной волей (*Dei Gratia, divina favente clementia* — «Божьей милостью»). Воспринятая из Византии теория божественного происхождения всякой верховной власти была приемлема для всех правителей, стремившихся поставить себя выше народного волеизъявления. Эта доктрина предполагала распространение божественной санкции не только на власть самого государя, но и на его аппарат управления.

Представление о божественном происхождении императорской власти способствовало в Византии подчинению церкви государству, а также превращению императора фактически в служителя церкви, стража правоверия. Конфликты василевса с высшим клиром и особенно с монашеством были постоянными в истории империи, но добиться свободы избрания патриарха православной церкви так и не удалось. Пример господства императорской власти над церковью воодушевлял и западных монархов в их борьбе против пап (Генрих IV вместе с Алексеем I Комнином боролся против папы Григория VII).

Факт длительного сохранения в Византии сильной централизованной власти расценивался и расценивается западными историками как доказательство того, что Византия не знала феодализма и тем выделялась среди

¹⁶ Dig., I, 4, 1.

¹⁷ Впрочем, восточные элементы византийской автократии в литературе обычно преувеличиваются. Действительно, в великолепии константинопольского двора нашло отражение некоторое влияние придворных порядков персидской и индийской монархий. Но само оформление этого двора с его недоступностью и пышностью было следствием не восточного влияния, а закономерного развития Римской империи, результатом развития системы централизованной эксплуатации, следствием замены управления через сословные организации управлением через бюрократический аппарат.

современных ей стран Западной Европы. В советской историографии наблюдается тенденция усматривать в централизованном управлении Византии реакционное явление, создавшее преграду на пути перехода к этапу феодальной раздробленности как исторически прогрессивной стадии развития местных экономических центров. Действительно, те исключительные привилегии, которыми обладал Константинополь в ущерб другим городам, препятствовали развитию производительных сил в провинциях. Правительство сознательно ослабляло экономически и политически провинциальные города, опасаясь развития тенденций к сепаратизму, которые в самом деле имели место во всех городах, сколько-нибудь отдаленных от центра (далматинские, итальянские, сирийские города, Херсон). Поэтому, не имея достаточной внутренней политической организации, так легко пала Фессалоника в 904 г. Поэтому в войнах с венецианцами во время Второго крестового похода византийские приморские города становились легкой добычей врагов¹⁸.

Вместе с тем, однако, нельзя не учитывать и того, что именно отсутствие централизации сделало Франкское королевство после распада империи Карла Великого еще более беспомощным перед бандами норманнов. Западноевропейская система феодальной раздробленности способствовала прогрессу лишь в условиях, когда отсутствовала серьезная внешняя опасность, от которой Западную Европу с востока защищали Русь и Византия, принявшие на себя основные удары бесчисленных турецких и монгольских полчищ.

Во всяком случае, до конца XI в. не централизация ослабляла экономику византийских провинций, а разрушительные нашествия врагов, а с конца этого столетия — иноземное экономическое засилье, которое, хотя и содействовало освобождению провинциальных центров от монополии Константинополя и установлению прямых связей с итальянскими городами, привело вскоре к полной ликвидации независимости византийской экономики.

Говоря о византийском централизованном государстве, следует отметить также, что именно централизация обусловила развитие византийской дипломатии, оказавшей решающее влияние на организационные принципы европейской дипломатической службы. Во все периоды своего существования империя сохраняла широкие международные связи и старалась находиться в курсе всех событий, происходящих в окружающем ее мире. Придавая дипломатии большое значение, византийское правительство учитывало и фиксировало тот колоссальный опыт, который оно накопило в международных связях. Дипломатия папства и венецианская дипломатия вышли в конечном итоге из византийской школы.

Исключительное значение для истории всей средневековой Европы имело то обстоятельство, что в период краха городской культуры на Западе в результате нашествия варваров Византия оставалась единственным государством Европы и Средиземноморья с большим числом развитых городских центров.

Создание городов как центров ремесла, торговли и культуры является таким достижением античного мира, которое сыграло огромную роль в процессе исторического развития всего человеческого общества. Лишь усвоив уровень развития производительных сил античности (в том числе

¹⁸ В литературе имеется также тенденция усматривать реакционную роль Византии в том, что она, цепляясь за власть в Равенне, Южной Италии и Сицилии, будто бы препятствовала политическому объединению Италии. Мешала этому не Византия, а завоеватели-лангобарды. В 50-х годах VI в. Италия была политически объединена, имела полную возможность ее существования как политического целого, так и возможность подчинения папства светской власти. И впоследствии не Византия, а папский престол был причиной раздробленности страны (ср. З. В. У д а л ь ц о в а, Г. Г. Л и т а в р и н. Советское византиноведение в 1955—1960 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 41).

их городские организационные формы), раннефеодальное общество двинулось по пути прогресса.

Сохранив города, товарное хозяйство, морскую торговлю, Византия оказала огромное экономическое воздействие на развитие стран Запада. Товарное обращение для развития феодального строя как более прогрессивного было необходимо еще в большей мере, чем для строя античного¹⁹. Пока на Западе не сложились крупные городские центры, европейская морская торговля не могла подняться выше той стадии, на которой находилась финикийская торговля VII—VI вв. до н. э., когда купец был в то же время грабителем и насильником. Именно такой характер носила торговля норманнов и других варваров. Византийское влияние в значительной мере содействовало изживанию этой стадии развития торговли в странах Европы.

Византия была родиной торгового морского права. Византийская юридическая компиляция под названием «Морской закон» нашла отражение во всех последующих сборниках обычных и официальных правовых норм морской торговли. Положения о византийских товариществах хреокиниях, как они представлены в «Морском законе» (III, §§ 9, 17) послужили на Западе примером для организации сообществ предпринимателей по принципу коллеганции, или коменды²⁰.

Только в начале IX в., когда эмират Кайруан, укрепившись в Карфагене, стал занимать одну за другой позиции Византии в Средиземном море, роль византийской морской торговли стала падать.

Византия, и в первую очередь ее столица — Константинополь представлялись современникам средоточием богатств, роскоши и великолепия. Вплоть до 1204 г. полагали, что две трети всех богатств мира сосредоточены на Босфоре и лишь одна треть рассеяна по свету²¹.

Блеску византийской столицы способствовало богатство и многогранность ее искусства: эллино-римская культура испытала значительное влияние сирийской, африканской, персидской, арабской и славянской культур. Подобно «золотому мосту», Константинополь соединял Восток и Запад²². Золотая валюта империи играла поистине роль международной.

¹⁹ «Крепостническое общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли и промышленности, что еще тогда вело к капитализму» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 24, стр. 374).

²⁰ G. A s t u t i. Origine e svolgimento storico delle comenda fino sec. XIII. Turin, 1953; R. L o p e z. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century. — DOP, XIII, 1959, p. 78.

²¹ На ранней стадии развития феодального общества, в эпоху классового образования, роскошь отнюдь не была одним из проявлений разложения господствующего класса, как в позднеантичном Риме. Привозимые из Византии предметы роскоши содействовали выделению господствующей прослойки в свободном варварском обществе. Вывоз предметов роскоши из «мастерской великолепия» — Константинополя служил интересам укрепления господства феодализирующейся знати. С другой стороны, пышность византийского двора и торжественных приемов была призвана произвести эмоциональное воздействие на варваров, вызвать особое уважение к империи у соседей, находящихся на более низкой стадии культурного развития. Бьющему на эффект придворному церемониалу соответствовало и театрализованное, полное эмоций церковное богослужение.

²² В различные периоды истории Византии эта роль Константинополя была неодинаковой. В IV—VI вв. с Константинополем еще конкурировали Александрия и Антиохия. Со времени же арабской экспансии сирийские и египетские товары стали все меньше проникать в Европу. В VIII—IX вв. в вывозе на Запад восточных товаров, шелковых тканей и пряностей, парфюмерных и ювелирных изделий Константинополь занимал почти монопольное положение. Вплоть до XII в. посредниками в торговле с Западом были преимущественно еврейские общины торговцев и ремесленников с развитой на базе религиозной общности системой торговой взаимопомощи (A. A n d r e a d è s. Les Juifs dans l'Empire Byzantin. — ЕЕВЭ, VI, 1929, p. 8; J. S t a r r. The Jews in the Byzantine Empire 641—1204. — «Texte und Untersuchungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie», 30. Athen, 1939). С XII в. Константинополь теряет значение «золотого моста», хотя его связи со странами Востока сохранялись. Дело в том, что посредниками в этих связях стали не византийцы, а венецианцы и генуэзцы. Из стра-

Монеты с изображением Юстиниана ходили в Скандинавии и на востоке вплоть до реки Хоанхе ²³.

На рубеже античности и средневековья Византия выступила на исторической арене также как носительница новой идеологии — торжествующей новой мировой религии, христианства. Античная ойкумена делилась на два мира — мир «господ», эллиноримлян, и мир «варваров», стоявших на низшей стадии цивилизации и «призванных быть рабами». В какой-то мере для такого деления имелись объективные основания: без освоения культурных достижений рабовладельческого общества, в первую очередь в области земледелия и военного дела, варвары не могли выйти из стадии варварства.

К IV в., однако, окружающие империю народы один за другим стали овладевать и техникой земледелия, характерной для стадии разложения рабовладельческого строя, и той военной техникой, которая была свойственна войскам Рима. Существование двух миров, мира господ и мира рожденных для рабства, перестало быть оправданным. Идеология античной ойкумены, исключительная религия господ-эллиноримлян зашла в тупик. Выход из него был найден на путях принятия космополитической религии — христианства. В силу своей способности к синкретизму оно стало быстро распространяться в соседних странах, иногда даже становясь господствующей формой религии раньше, чем в самой Византии. Христианство стало одним из важнейших средств византийского политического, торгового и культурного влияния ²⁴.

Ранняя Византия, страна наиболее чтимых отцов церкви и богословия, страна вселенских соборов, выступала в качестве оплота правосерия, тогда как в Италии, Испании и Бургундии главенствовали ариане. Византийский император в борьбе с еретиками играл роль хранителя чистоты вероучения ²⁵.

Однако уже во второй половине V в. на Западе в полновластии императора над церковью стали усматривать ущемление ее свободы и — более того — отступление от самого духа церковного учения ²⁶.

Забота о сохранении догматической чистоты православия в Византии оказала отрицательное влияние на все страны христианского мира. От-

ны, вывозящей предметы роскоши, Византия стала с XIII в. страной, вывозящей зерно и сырье.

²³ Ся Н а й. Золотая византийская монета, найденная в могиле периода династии Суй. — ВВ, XXI, 1962, стр. 178.

²⁴ Через принятие христианства Армения и Грузия надолго оказались под политическим и культурным влиянием Византии. Укрепляли связи с Византией и готы Северного Причерноморья, где лишь появление гуннов в корне изменило ситуацию. Персия была политическим и торговым конкурентом Византии. Персидская религия была непримирима к христианству. Борьба за влияние на кавказские народы и на арабов между Персией и Византией выразилась также в антагонизме Христа и Ахурмазды, как впоследствии в борьбе Византии с арабами — в антагонизме Христа и Магомета. В VII—VIII вв. мусульманство одержало победу в Аравии, Месопотамии и частично на Кавказе. Отдаленность срединных районов Африки исключала возможность византийской агрессии — влияние империи в IV—V вв. осуществлялось здесь посредством торговли и христианизации. В V и VI столетиях греческий язык был языком придворной знати Эфиопии.

²⁵ В буржуазной историографии высказано мнение, что византийский император, господствуя над церковью, сосредоточил в своих руках полную власть над обществом и превратился в душителя свободы, тогда как на Западе разграничение светской и церковной властей препятствовало «тоталитарному волеизъявлению монарха». Однако идеологическая диктатура папства вплоть до XIV в. была, по нашему мнению, еще большим врагом свободной мысли, чем императорская власть в Византии (ср. А. W. Ziegler. Die byzantinische Religionspolitik und der sogenannte Caesaropapismus. München, 1913).

²⁶ Ф. Дольгер (F. Dölger. Europas Gestaltung im Spiegel der fränkisch-byzantinischen Beziehungen des IX. Jh. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 282) поднимает в связи с этим важную проблему влияния Византии, которое она оказывала в течение пятисот лет на образование европейского единства, и ставит вопрос о последствиях разрыва в IX в. между империей и Западом.

стаивая незыблемость церковного учения и идеологическое единство, империя превратилась в страну принудительной стагнацизирующей идеологии. Начиная с Константина Великого, издавались жестокие декреты против несогласных с учением господствующей церкви. Через Августина Запад быстро перенял опыт борьбы «за чистоту христианства». Византийская богословская ортодоксия сыграла свою роль в установлении страшного духовного гнета нетерпимости к инакомыслящим, господства инквизиции, которые царили в Западной Европе вплоть до Великой французской революции, а в некоторых странах — и после нее. По всему западному миру загремели анафемы, наполнились тюрьмы, запылали костры. В XV в. костры вспыхнули и в России.

Но вместе с тем именно в Византии в раннее средневековье наиболее ярко проявился и протест против того мира насилия и гнета, который санкционировало христианство. На границах Армении и Византии, где население подвергалось двойной эксплуатации — со стороны централизованного государства и феодализирующейся армянской знати, развилось мощное движение павликиан, которое, проникнув в Болгарию и модифицировавшись там в богомилство, распространилось затем по Европе, сплачивая народные силы в борьбе против средневекового гнета. Роль Византии в появлении на Западе этого идеологического движения нельзя подвергнуть сомнению ²⁷.

Византия — родина монашества, пережившего существенную эволюцию в ходе своей многовековой истории. В ранней Византии монахи — это по преимуществу люмпен-пролетариат в рясах, на практике осуществлявший идею бегства от мира угнетения и создававший многочисленные братские общины. В дальнейшем — это боевой отряд религиозных фанатиков, приверженцев утверждающейся феодальной идеологии. Наконец, монашество само перешло на положение особой привилегированной прослойки; общины монахов — монастыри стали коллективными феодальными собственниками и идеологическими центрами господствующего класса. Институт монашества быстро проник с Востока на Запад, но монастырские уставы имели здесь существенные особенности, будучи приурочены к специфике западного феодализма. Не была популярной на Западе также и идея полного отхода от мирских интересов, выразившаяся в Византии в таких нелепых крайних формах «служения богу», как столпничество, юродство и т. п.

Византия была также и родиной христианской мистики. Сравнительно с обычным обрядово-догматическим христианским учением мистика в Византии отличалась тем, что сулила верующему не только спасение на том свете, но обещала ему и при жизни возможность обожения, соединения с божеством. В этом заключалась сила и влияние этого наиболее враждебного науке и прогрессу религиозного течения ²³. Идея мистического общения с богом и святыми являлась основой иконопочитания. Под несомненным влиянием египетского и сирийского монашества выработался особый канон для иконописи, соблюдение которого было так же обязательно, как и признание самих церковных догматов. Повышенная оду-

²⁷ Впрочем, причины того, почему протест народных масс против эксплуатации проявился в столь острой форме именно в Византии, нельзя объяснить лишь наличием двойного гнета государства и феодалов: во время появления павликианского движения значение вотчинно-сеньориальной эксплуатации еще было ничтожным. Следует учитывать, на наш взгляд, тот факт, что всюду, где существует официальное право, основанное на частной собственности и санкционированное религией, всякое его нарушение вызывает немедленный и горячий протест.

²⁸ Следует сказать, что мистика не исключала самостоятельности мысли в сфере религиозного учения. Ее идеи иногда в корне противоречили положениям господствующей церкви и *mutatis mutandis* служили идеологической предпосылкой реформации и основой народно-еретических движений. Особенное влияние на Западе в этом смысле оказало сочинение так наз. Дионисия Ареопагита, которое в 858 г. было полностью переведено Иоанном Скотом Эригеной.

хотворенность образа с элементами схематизма, характерная для этого канона и постепенно проникающая в творчество живописцев других христианских стран, была непременным качеством иконы, рассматривавшейся как средство общения с божеством ²⁹.

Что касается просвещения, то византийская православная церковь стремилась полностью захватить в свои руки не столько начальную школу, сколько высшую, факультеты философии и риторики. Монашество Александрии уже в IV—V вв. вело отчаянную борьбу против высшей философской школы, не останавливаясь перед любыми средствами, и в VI в. добилась ее клерикализации. Преподавателями стали монахи. Языческий университет уходил с исторической сцены. Уничтожение высших школ при активном участии монашества привело к ослаблению культурно-идеологического единства интеллигенции поздней античности и усилило местные культурные тенденции. Это было тяжелым ударом по эллинистическим традициям.

Роль связующего фактора, объединявшего средневековую интеллигенцию, стала играть распространившаяся в Византии с IV в. схоластика как метод научного мышления, который быстро стал господствующим и на Западе. Стремясь сохранить чистоту христианского учения, св. отцы IV в. старались выдать все свои положения не за собственные мысли, а за непреложные истины священного писания, ссылками на которое аргументировалась любая идея. Богословы словно стремились сказать что-либо новое. Иоанн Дамаскин как будто даже ставил себе в заслугу то, что не сказал ничего собственного. Приспособленные к потребностям христианского учения труды античных авторов также были превращены в непререкаемые авторитеты ³⁰.

Традиционализм в истории византийской культуры сыграл, однако, и положительную роль: в тяжелое время гибели культурных ценностей и резкого падения уровня образованности он поддерживал преемственность между культурой средневековья и античным наследием и в этом состоит его всемирно-историческое значение. Едва ли не более существенной была роль византийского традиционализма в поздний период истории империи. Чем тяжелее становилась борьба Византии против внешних врагов, чем больше слабело государство, тем усерднее обращалась византийская интеллигенция к классическому наследию Эллады. Во времени это совпало с переходом Запада к новой идеологии — Ренессансу, и Византия дала Западу то, в чем он нуждался, — свои античные традиции и рукописи классиков античного мира.

Что касается судеб исторической науки в настоящее время, то для ее развития изучение истории Византии, ее внутреннего строя и культуры играет значительную роль. Почти вся средневековая история Юго-Восточной Европы была тесно связана с историей Византийской империи. Влияние ее цивилизации, политических идей, правовых концепций, искусства, религиозных учений трудно переоценить. Мало того, изучение исторических судеб империи заставляет по-новому взглянуть на принятую в нашей науке концепцию становления феодализма: история Византии дает важный материал для характеристики различных типов фео-

²⁹ А. В. Банк. Труды по византийскому искусству в *Dumbarton Oaks Papers*. — ВВ, XXII, 1963, стр. 260—279.

³⁰ Схоластика восторжествовала и в юриспруденции. Юстиниан I запретил самостоятельное комментирование Кодекса и Дигест. Юристам разрешалось лишь сравнивать различные положения права. Юридическая наука была скована: анализ и критика законодательства с позиций целесообразности были невозможны. Как экзегеза Нового Завета богословами, так и пояснение законов юристами находились на одном уровне, усвоенном без изменений и на Западе. Схоластика и традиционализм пронизали и математику и естествознание, физику и медицину. Все покоилось на изучении древних авторов, которые были объявлены стоящими вне критики (Аристотель, Гален, Юстиниан).

дального строя и разных путей самой феодализации. Именно на примере византийской истории можно проследить роль античных городов в период перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Проблема преемственности античных традиций и институтов, роль континуитета в оформлении новых структурных связей, вопрос о значении идеологических импульсов, порождаемых идейным наследием античности, — все это еще остается недостаточно изученным и теоретически не обобщенным комплексом проблем, решение которых способно внести серьезные коррективы в наши представления о закономерностях исторического развития общественного бытия и сознания.

В генеральном пути человечества к бесклассовому обществу византийской культуре принадлежит заметная роль. Развитию французского материализма, немецкой идеалистической философии и английской политической экономии, обусловленных своеобразием генезиса капитализма в этих трех странах Европы, предшествовала эпоха Возрождения как необходимый этап раскрепощения человеческой мысли от средневекового гнета. Как ни разнó протекал этот этап развития в различных странах, он всюду был связан в основном с освоением античного наследия. Роль Византии здесь была двоякой: кодификация римского права была импульсом для развития товарных отношений, а борьба за «чистоту» христианского мировоззрения сковывала развитие свободной мысли. Но несмотря на это, Византия сумела сохранить достижения античности, необходимые для дальнейшего прогресса общества в области городской культуры, товарного хозяйства, гражданского права, гуманитарных и точных наук.

Закономерное развитие стран Западной Европы могло протекать относительно спокойно, без катастрофических неожиданных потрясений, поскольку с одной стороны эти страны были ограждены океаном, а с другой их защищали от нашествий с Востока Русь и Византия, принявшие на себя главный удар бесчисленных полчищ кочевников.